

Coney Island History Project Oral History Archive

Interviewee: Khonya Epstein

Interviewer: Julia Khanina

<http://www.coneyislandhistory.org/oral-history-archive/khonya-epstein>

Content © 2019 Coney Island History Project. All material on the CIHP website is copyrighted and cannot be used without permission. Все материалы на сайте Исторического проекта Кони-Айленда защищены авторским правом и не могут быть использованы без разрешения.

Юлия Ханина – Это Исторический Проект Кони Айленд. Меня зовут Юлия Ханина. И сегодня мы разговариваем с Хоней Эпштейном.

Хоня Эпштейн – Мое имя Хоня Эпштейн. Родился я в Белоруссии, местечко Шепелевичи, Круглянский район Могилевской области, Белоруссия. Само местечко расположено на границе между Минской областью и Могилевской. Это север Могилевской области, самая северная точка. Местечко окружают глубокие леса. Очень много в лесах озер ледникового происхождения. Великолепная природа, много смешанных лесов. Ну вот там протекало мое детство.

ЮХ – И расскажите немножко где Вы сейчас живете?

ХЭ – Сейчас я живу в Бенсонхерсте. На этой же улице я поселился тогда, когда мы перешагнули порог Америки. Жили вначале в небольшой квартирке, потом поменяли ее. Потом снова приехали в этот район. И вот сейчас живем в этой квартире. Приехали мы сюда, если вас интересует, 18го октября 89го года. Уже слишком давно. Причем, поездка сюда была такая, которая легко нам далась, потому что наша дочка в 83м году после окончания Ленинградского Финансово-Экономического института приехала сюда. Вышла замуж и поселилась в Америке. Ну и постоянно просила, чтобы мы приехали к ней. Хотя у меня была солидная должность: я был заместителем директора крупнейшей школы в городе Могилеве (школа номер 7). И сложно было вначале. Но, в связи с тем, что я пользовался определенным авторитетом, ни Райком партии, ни Исполком, ни Советские партийные органы вообще не предъявляли ко мне никаких претензий. Я работал до самой пенсии. А когда уже ушел на пенсию, я приехал к дочке в гости, посмотрел жизнь в Америке. Ну и эмигрировал.

ЮХ – И какие у Вас были первые впечатления от Америки?

ХЭ – Первые впечатления это я был в гостях. И мне понравилась Америка. Понравился Манхэттан, понравился Квинс. В Бруклин мы тогда еще не заезжали в Бруклин, но были прекрасные впечатления. А когда приехали в Америку, и поселились здесь, я сразу же стал искать возможность изучения английского языка. Но это было тридцать лет тому назад. Мне еще было шестьдесят лет с лишним. И естественно, что дела шли неплохо. Я читал и разговаривал, и быстро запоминал слова. Ну а затем у дочки появились дети, и я был вынужден уделять внимание внукам своим. Отсюда учеба несколько прервалась. И затем я снова поступил в коммюнионити колледж, такой... Тора колледж он назывался. Я его успешно

закончил. Хорошо читал и писал. И уже и Селинджера читал, и Стейнбека читал. Но в связи с тем, что рядом со мной была русскоязычная публика, все то, что я знал, что я получил, все это быстро исчезало. Ну сейчас я слабо разговариваю, но понимаю. Если медленно говорят, если slowly говорят, тогда я отвечаю правильно на вопросы. И читать читаю, как и раньше. Есть определенный запас английского языка, но недостаточен.

ЮХ – Расскажите немножко о своей жизни как иммигранта. И что вы делали и чем вы занимались?

ХЭ – Ну как иммигрант я все посвящал вначале своим внукам. Недостаточно внимания уделял общественной работе, хотя уже и начинал кое-какие записи делать, связанные со своим прошлым, потому что оно было... ну мне казалось, для других людей интересным. Я попытался написать определенные такие заметки. Ну, первая заметка была связана с рассказом о сапогах моего отца. Жандармы, которые убили моего отца, как бы за связь с партизанами (хотя связи такой не было), сняли с него сапоги и на завтра утром принесли их мне для ремонта. То есть, сношены были каблуки, и я должен был починить. Ну я, естественно, отказался чинить сапоги отца, которого только что убили, на завтра утром. Ну, естественно, за это был избит. Вот об этом я написал. Это был первый мой рассказ: «Сапоги моего отца». Ну а потом стал кое-что писать о жизни при немцах в своем местечке. О тех издевательствах, которые связаны были с тем, что я был евреем в этом небольшом местечке. Ну и об отношении к матери своей, там еще был и младший брат. Большие заметки стал делать. Ну а потом решил написать несколько более основательную книгу о двух годах своей жизни, проведенных в партизанском отряде и в гетто. Ну в основном, в партизанском отряде. О трех годах своей жизни.

ЮХ – И расскажите, пожалуйста, о том, как Вам удалось спастись во время Второй Мировой войны?

ХЭ – Да, это было очень сложно. Сложность заключалась в том, что постоянно охраняли полицаи и немцы. В основном, полицаи охраняли. Каждый представитель нашей национальности был у них на учете. После расстрела отца, через семнадцать дней, то есть пятнадцатого ноября, в День моего рождения, они выгнали всех представителей европейской национальности на окраину местечка и решили всех расстрелять. Уже были заготовлены ямы недалеко, на опушке леса, недалеко от местечка. И туда планировали и меня, потому что таких подростков, как я, всех расстреляли. А мама моя упросила старосту, в связи с тем, что я был очень близок к его сыну и часто бывал у них, вместе с ним учился в одном классе. Выпросила, и меня оставили. Ну и потом я с мамой переехал из Шепелевичского гетто в Круглянское гетто. Ну, в Круглянском гетто чем я занимался... Там почти ежедневно привозили трупы расстрелянных людей. И бросали их в крайний дом. А их нужно было захоронить. Их выбрасывали на огород и заставляли меня и еще там пару мальчишек было таких как я закапывать эти трупы. Ну а пятнадцатого июня 42го года гетто решили полностью уничтожить. Вот в три часа утра мама заметила из окна нашего дома, что стоят войска. В основном это были венгры, мадьяры их называли. Она решила, что может быть снова меня возьмут, а они еще останутся живы. И недалеко вот от этого входа в нашу квартиру, где было человек тридцать, наверное, небольшая квартира. Они когда ложились

спать, все рано спали, потому что такая перенасыщенность живших людей в этом селище. И она попросила, чтобы я в погреб залез. И я залез в этот погреб. Затем туда в погреб спрыгнул немец. И я дальше пополз под пол. Он стал кричать, чтобы я выходил, а я дальше пополз. Ну и сколько он ни кричал... Потом они стали стрелять и гранаты стали бросать, а я дальше и дальше... Ну и так я пролежал там сутки. Я слышал, как раздавались стоны, как выгоняли людей из этого... Ну и я чувствую, что все успокоилось, никого нет. И я решил выйти из этого погреба ночью и уйти. И как только я подошел к лазу, а наверху стоял немец. И как только он увидел меня, он сразу стал кричать «Halt! Halt! Halt!» И я пополз снова. И пополз, и очевидно я... там печное отопление было, под фундамент печки. И они подняли огромнейшую тревогу, стали взрывать весь пол. Кричать стали. А я лежу спокойно, и я чувствую, что взрывают пол и ищут меня. И так продолжалось три дня, они взрывали весь пол. Большой был очень дом. Там до начала войны располагался Исполком районного совета. В этих кабинетах они приспособили их просто под жилые квартиры, без всякого отопления, без еды, без всего. Просто существование, а не жизнь была. И я слышу уже что никого нет, это было уже на четвертый или пятый день. И там в фундаменте я увидел, что ливень, дождь льет. Я решил уйти. Высунул голову, оказывается, пол взорван. Я еще зашел в квартиру, где была мама. Думал, может какие-нибудь фотографии, а там чисто, ничего не было. А рядом с гетто был овраг. Я в овраг этот. И пошел дальше, дальше, дальше. А ливень был страшный! А я, по сути дела, был и без обуви, и когда я лазил под полом, моя одежда порвалась вся. Вот в таком состоянии я прошел четыре километра до деревни Оглобля. И рядом с деревней я увидел стог соломы, но тоже весь мокрый. И я тоже весь... четыре дня уже прошло после того, как... И я зашел в дом к крестьянину по фамилии Шевчик. Он тут же приказал мне залезть на печь. Я залез на печь, они застегнули такую феранку, и поставили мне на печь кислое молоко с творогом. Я измученный съел это и уснул. А утром я услышал знакомый голос. Человека, который когда-то работал председателем сельского совета, а затем, во время репрессий, был посажен, а потом выпустили его. И он рассказывает, что несколько дней тому назад в Круглом всех евреев уничтожили. А вот один как воду канул! Он был под полом, и мы его искали, немцы взорвали пол, но так его и не нашли. Куда он девался? Как будто Бог его забрал. Я услышал этот разговор и так подумал, что всего лишь четыре километра от гарнизона. Немцы могут подъехать и посмотреть на эту печку. И я говорю крестьянину, что я не могу дальше быть у тебя. Ну он мне дал рубашку, ботинки, телогреечку такую. И говорит: «Иди, может сынок найдешь в лесу партизан». А там лесов таких-то и не было, но были деревни. Такие деревни: Пасырево, Дудаковичи, Ореховка. И я шел по окраине леса и наблюдал за этими деревнями. Деревни были хорошие, красивые. Лучше, чем наше местечко, потому что хорошие крыши (у нас были соломенные крыши, а них настоящие уже жилища, красивые). И вот я прошел километров двенадцать, дошел до деревни Ореховка. Обогнул эту деревню, зашел на поселок. Уже и силы иссякли. И я решил зайти в дом. Меня покормили там на этом поселке Ореховском. И решили не оставлять, потому что они тоже боялись. И я пошел. Пошел, на поляну вышел. А там стоял дуб такой, большой дуб. И я остановился около него и уснул. И проснулся. И я пошел в лес. Там набрел на куст ягод малины, потом там черника была. Пособирал, пособирал, поел. А затем услышал косаря, который косил траву. Ну и дальше вот так шел, шел и наконец, через несколько дней, набрел на партизанскую заставу. Ну

партизанская застава подхватила меня, увели в штаб партизанской бригады. И там меня отправили в отряд капитана Суворова, человека, прошедшего начало войны, закончившего военную академию имени Дзержинского в Москве. Очень толковый, умный, в военной форме. И он: «сынок, ты будешь сейчас у нас партизаном молодым». Ну первое время я ухаживал за лошадьми. Эта работа была для меня знакома, потому что в моем местечке я тоже этим занимался. Ну а потом они разгромили гарнизон и привезли кое-какую одежду. У меня, по сути дела одежды никакой не было. И каждый партизан подходил ко мне и говорил: «Хоня, это тебе! Хоня, это тебе! Это тебе!». То есть я увидел, какая глубокая привязанность у партизан ко мне, какая особая любовь ко мне. И, кроме этого, они привезли французский карабин, небольшой по размеру. И 120 патрон к нему. И меня командир вызвал: «Вот мы привезли тебе оружие. И знай, что 120 патронов. Значит каждый патрон ты должен пустить не просто пропустить, а в фашистов». Вот с этим карабином я прошагал по сути дела полгода войны, пока я уже потом приобрел сначала и немецкий автомат, потом русский автомат. Уже через месяц я принимал активное участие во всех операциях. То есть первая операция была «рельсовая война», 43-42 год. И меня взяли с собой. Прежде всего командир роты увидел во мне исполнительного мальчугана. И он сразу же определил меня своим адъютантом. Я стал его адъютантом. Вместе с ним я прошагал по сути дела полгода войны. Потом получилось так, что нашу партизанскую бригаду окружили со всех сторон. И мы должны были уйти в Лепельские леса Витебской области. Ну разделилась бригада на две группы. И та группа, в которой переходил я, наткнулась на засаду в районе Орша-Смоляны. И нас настолько встретили автоматным огнем и минометным огнем, что мы вынуждены уйти были. И затем мы остановились в деревне Березовка. А оттуда с деревни Березовка мы видим, что нам уже не удастся перейти в Лепельские леса. Мы решили пойти в те леса, которые расположены рядом с моим местечком. И вот так я через неделю, мы пришли в район моего местечка. Первая деревня, где остановился наш отряд называлась Зеленая роща. Дети из этой деревни ходили в нам в школу. И все знали, конечно, меня. И они рассчитывали, что меня давным-давно убили. А здесь увидели меня, что я здесь в партизанском отряде, вооруженный, с оружием, и они стали кричать «Хонька живой! Хонька живой! Хонька живой!». То есть расползлось по деревне. Ну потом я решил посетить свое местечко. То есть, случилось так, что наш командир стал командиром объединенной группы. И он готовил по ночам карты для последующих событий, связанных с различными военными операциями. А становилось рано темно, это уже было в сентябре 42го года. И он искал керосин для того, чтобы зажечь лампу и работать при лампе. И он позвал меня и говорит: «Вот ты здешний. Может, ты у себя там в местечке разыщешь керосин.» А когда началась война, отец мой побоялся: у нас был керосин, запасы керосина (две бутыли большие такие). «Вот давай, сынок, мы их закопаем в сарае, потому что пожар может быть и керосин этот знаешь...» И мы закопали. И я говорю: «У нас закопан там в сарае, если наш дом еще целый.» Я ж еще не знал. «Тогда» - говорю я, «тот керосин заберу и привезу.» Ну и еще два человека со мной поехало. И вот я еду в свое местечко в первый раз. И мужик копает картошку на поле. А там перекресток дорог на три деревни. И вот куда ехать? Одна дорога в Шепелевичи, другая в Глубокое, третья в Костюковичи. И я подзываю мужика и спрашиваю: «А как» - говорю, «проехать на Шепелевичи?» Мы на лошадях, три человека верхом. А он посмотрел на меня, и говорит: «И ты не знаешь дорогу на

Шепелевичи? И ты не знаешь?» - он спрашивает у меня. То есть он увидел во мне знакомого человека. Я говорю: «Знаю, знаю, дядя Василий!» Я его знал тоже. «Ну вот тогда езжайте!» Ну вот мы приехали, а наш дом занял человек, который изготавлял валенки. И замок висит на дверях. Один там партизан рядом со мной, который ехал в Макушино, говорит: «Ты, хозяин, боишься? Ломай замок и заходи к себе в дом. Ты же хозяин своего дома!» Ну мы зашли в свой дом, я уже не трогал замок. А потом пошли в сарай. А сарай этот завален был сеном, там, где бутылки были закопаны с керосином. Ну и позвали соседа, он помог выбросить сено. И стали искать этот керосин. Ну я знал, примерно, где он закопан. Ну мы наткнулись на склад, а в этом складе было 70 пар валенок. Он кому-то готовил их, я не знаю. Потом, яловые сапоги, там материалы разные. То есть склеп, настоящий склеп. И рядом были эти две бутылки с керосином. Вот я забрал этот керосин, и валенки мы забрали эти. Ну вот это был такой случай. А потом я принимал активное участие буквально во всех операциях. То ли железная дорога, то ли нападение на гарнизон, то ли разведка. Особенно часто меня посылали в разведку.

ЮХ – Вы написали книгу «Привет, тезка!». Как к Вам пришла идея написать эту книгу и как история, рассказанная в этой книге связана с тем, что Вы пережили?

ХЭ – Я давно задумывал о ней, но работа заместителя директора школы очень сложная. У нас было около шестидесяти классов. И хотя у меня был еще один заместитель, но было очень сложно. И времени для того, чтобы чем-то заняться и что-то написать... я только писал научные статьи, связанные с методическим применением особых приемов в изложении материала по тому, или иному предмету. То есть я искал пути как лучше сделать преподавание учебных предметов в школе. Хотя я преподаватель был русского языка и литературы, но я должен был знать и математику, и физику, и химию, и все предметы. И я посещал уроки, и должен был дельные указания давать. И поэтому времени у меня не было. Но уже в журналах «Народная Асвета» появились мои небольшие статьи методического характера. Когда я приехал сюда, высвободилось время. И как-то рано утром я засел, вот написал этот первый рассказ свой, «Сапоги моего отца». А потом, думаю, дай я напишу еще кое-что. И я подумал, а как же, какой прием использовать? И использовал прием рассказа своему пра-пра-правнуку. И пра-правнука я решил назвать своим именем. Отсюда книга называется «Привет, тезка!» И рассказ я еще пишу подзаголовок своей книжке: «Я бы и мог продолжить дальше рассказать, но я решил своему пра-правнуку рассказать только о тяжелом времени. О самом тяжелом времени». А что было дальше, как я затем был на фронте, как я, значит, работал и учился, и работал заместителем директора школы, это нужно было еще две или три такие книжки написать. Ну я ограничился только этой. Ну а затем я написал целый ряд рассказов. Допустим, вот я написал рассказ «Трижды рожденный», о себе написал. Потом, в партизанах был военный фельдшер, который стал командиром роты. О нем написал специально: «Человек-легенда». Потом один мальчишка моего возраста был в партизанах, неуловимый Гаврош. Я тоже написал, «Здравствуй, Борк!». Борка его звали. Он погиб, но его именем назвали ту школу, где он учился. Такой рассказ написал, потом я написал рассказ «Последний день моей партизанщины». То есть остановился на написании небольших таких рассказов. Стихи небольшие писал.

ЮХ – Расскажите немного о вашем лидерства клуба выживших в Холокосте.

ХЭ – Клуб этот я веду уже 12 лет. До этого времени как-то не получалось. Я выступал в этом клубе. А потом, у руководителя этого клуба, у нее уже не стало... может стали приходить люди, и она может быть плохо себя почувствовала. И она отказалась от ведения этого клуба. И тогда Микитянская Люба пригласила меня. Ну и я начал работать над созданием этого клуба. Нужно было собрать снова людей. Вот стал работать над программой этого клуба. И вот сейчас я в последнее время решил больше внимания уделять расширению своего кругозора членов моего клуба. Вот совсем недавно я провел такую читательскую конференцию по книге Башевиса Зингера «Раб». Пригласил психолога для этого. Сейчас я решил познакомить с картиной одного известного художника, но его не все знают. Искусствоведа пригласил. Потом стал приглашать Штейнберг, есть такой военный историк. Ну чтобы привить интерес, потому что люди уходят. Очень много умерло из членов моего клуба. Человек 20 ушло в мир иной. И сам-то я уже старею. Не моложе становлюсь, все больше и больше испытываю трудность в организации этой работы. И самая главная трудность — это собрать людей. Потому что и погоды бывают разные, и состояние здоровья не совсем хорошее. А я регулярно беседую с членами своего клуба, я им позваниваю, выясняю состояние здоровья, самочувствие выясняю. То есть поддерживаю постоянную связь с ними. У меня не только работа с ними один раз в месяц, а почти еженедельная, и иногда ежедневная работа. В зависимости от того, как себя человек чувствует. Я не забываю о Днях рождения. Обязательно позваниваю им, поздравляю их.

ЮХ – День Победы — это очень важный день, который отмечается многими людьми по всему миру, но особенно это важно для тех, кто является участником этих событий и их потомков. Как бы Вы описали этот день для тех слушателей, кто не имеет русскоязычных предков, и кто не знаком с этим праздником?

ХЭ – Ну я бы прежде всего рассказал им о том, что какие тяготы выпали на долю русского народа. И вообще тех народов, которые приняли активное участие в войне с фашистами. Ну и рассказал бы об особых таких случаях, которые пришлось испытать людям, принявшим участие в этой войне. Я даже стихи написал отдельные, и у меня есть стихотворение ветеранам, в которых я пишу, что мы пережили, и что мы перечувствовали.

ЮХ – Что этот день – День Победы – означает для Вас?

ХЭ – Вы знаете, когда я был в партизанах, а затем на фронте, а затем уже и в армии длительное время я служил, до 51го года, настолько мне тяжело было носить автомат этот и патроны. То есть эти подсумки с патронами, гранаты. Я думал, когда я уже сниму со своих плеч автомат? Когда мне легче станет вообще ходить? Ну когда закончится эта кровопролитная война? И вот День Победы настал. Это сразу же ощущил я, что буду носить автомат я, но не каждый день. Я продолжал служить же, до 51го года. В 51м году только я возвратился домой, не имея ни образования, ничего абсолютно. А затем пришлось мне наверстывать, экстерном все заканчивать. Получать среднее образование, затем высшее образование. Очень сложно было.

ЮХ – Есть ли какое-то отличие в том, как Вы и ваши друзья отмечали этот день до иммиграции, и как Вы отмечаете это сейчас?

ХЭ – До иммиграции было больше у меня друзей, с которыми я был близко связан. Здесь у меня сначала стало меньше, потом я познакомился, и все больше и больше. И поэтому разница сначала была большой, а теперь по сути дела я стараюсь встретиться со всеми теми, кто участвовал. Очень многое ушло уже в мир иной. Но те, которые остались, я никогда о них не забываю. Есть такие больные, которые лежат и не могут прийти. Я обязательно должен позвонить им, поговорить с ними, встретиться, если есть возможность. То есть этому дню я уделяю самое большое внимание.

ЮХ – А вам запомнился какой-то из Дней Победы особенно?

ХЭ – Ну вот я помню первый День Победы. Я после ранения был в городе Сызрани Куйбышевской области тогда, нынче Самаровской области. И я попал на службу после госпиталя в органы МВД. И начальник гор отдела был полковник Середницкий. Собрал нас и меня присоединил к группе майора Канаева, который патрулировал по Центральной улице Сызрани. Я должен был следить вместе со своими товарищами, тогда милиционеры они были. И вот один летчик, по-моему, капитан, пьяный вышел на улицу, взял кирпич и стал угрожать прохожим. А потом наш Середницкий подъехал! Он на него. И вот значит я грудью заслонил этого Середницкого, чтобы он кирпич… не попал в него. Ну его товарищи подхватили, помогли обезвредить этого человека. Вот это был особый такой День Победы сразу же. Ну а потом обыкновенные праздники были. Что касается во время службы в армии, они были связаны с парадами. Военные парады. Я принимал участие в военных парадах. Я служил в полковой школе, то есть я готовил сержантов, младших командиров. И принимал всегда участие в военных парадах. А там потом в школе я готовил детей к этому дню. Ну постоянно рассказывал, встречался с ними. У меня есть фотографии отдельные, где я рассказываю детям о Дне Победы, о важности этого дня.

ЮХ – Вы ходите на парады в День Победы?

ХЭ – Я хожу на Брайтон, да и не тоже там каждый год. На парад Дня Победы там. Собираются ветераны, и я вместе с ними хожу. Приглашаю из своего клуба туда тех, которые могут пойти. Не все могут пойти, потому что очень много стало пожилых людей. Вы представляете, что мне 91й год. А те многие, которые участвовали в войне, они же еще старше меня. Им 93-94. Очень много глухих, ничего не слышат. Они приходят ко мне, я их [сажаю] на первый ряд. И они сидят и тоже плохо слышат. Сложно сейчас мне стало. Вот такие дела.